

ИСКУССТВО РАЗВЕДКИ

СТЕФАН
ЦВЕЙГ

СПЕЦСЛУЖБА НАПОЛЕОНА

НА СТРАЖЕ РЕВОЛЮЦИИ,
ИМПЕРИИ И РЕСТАВРАЦИИ

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

2025

УДК 821.111

ББК 84(4/8)

Ц26

Стефан Цвейг

Ц26 Спецслужба Наполеона. На страже Революции, Империи и Реставрации / С. Цвейг. – М.: Родина, 2025. – 286 с.: илл. – (Искусство разведки).

ISBN 978-5-00222-712-9

Историю творят не гении и трибуны, видимые всем, не Робеспьер, не Наполеон. Настоящие игроки дергают за ниточки на заднем плане. С помощью этого тезиса Стефан Цвейг пытается изучить фигуру «самого совершенного макиавеллиста Нового Времени» Жозефа Фуше. Революционер и роялист, коммунист и миллионер, Фуше сочетал в себе, казалось бы, несовместимые противоположности. Ненавидимый всеми Герцог Отрантский, министр полиции наполеоновской Франции, опутавший Империю сетью тайных агентов, неизменно предававший всех, кому служил – именно в таком человеке Цвейг видит доведенное до совершенства воплощение политика.

УДК 821.111

ББК 84(4/8)

ISBN 978-5-00222-712-9

© Берштейн П.С., перевод

© ООО «Издательство Родина», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
Глава 1. Восхождение.....	12
Глава 2. Палач Лиона.....	46
Глава 3. Борьба с Робеспьером.....	68
Глава 4. Министр Директории и Консульства.....	102
Глава 5. Министр императора.....	147
Глава 6. Борьба против императора.....	181
Глава 7. Вынужденное интермеццо.....	202
Глава 8. Последняя борьба с Наполеоном.....	222
Глава 9. Падение и закат.....	263

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жозефа Фуше, одного из могущественнейших людей своего времени, одного из самых примечательных людей всех времен, не любили современники и еще менее верно судили о нем потомки. Наполеон на острове св. Елены, Робеспьер, обращаясь к якобинцам, Карно, Баррас, Талейран¹ в своих мемуарах, все французские историки — будь то роялисты, республиканцы или бонапартисты, — едва дойдя до его имени, начинали писать желчью. Предатель по натуре, жалкий интриган, пресмыкающийся льстец, профессиональный перебежчик, подлая полицейская душонка, презренный, безнравственный человек — нет такого клеймящего, такого бранного слова, которым бы его обошли; ни Ламартин, ни Мишле, ни Луи Блан²

¹ Карно Лазар Никола Маргерит (1753–1823) — член Законодательного собрания, затем Конвента. В Комитете общественного спасения занимался организацией борьбы с интервентами и роялистами, а также руководил военными действиями. В 1795–1799 гг. — член Директории. Во время «Ста дней» (1815) — министр внутренних дел. При Людовике XVIII был изгнан из Франции.

Баррас Поль Жан Франсуа де (1755–1829) — депутат Учредительного собрания, затем член Конвента, участник термидорианского переворота, член Директории, содействовал приходу Наполеона к власти.

Талейран Перигор Шарль Морис де, князь Бенеventский (1754–1838), епископ Отена — депутат Учредительного собрания, министр иностранных дел в период Директории (1797–1799), в период Консульства и Империи (1799–1807), при Людовике XVIII (1814–1815), глава французской делегации на Венском конгрессе (1814–1815), один из самых знаменитых дипломатов в истории Европы.

² Ламартин Альфонс (1790–1869) — французский писатель-романик, политический деятель, автор стихов и поэм, а также труда «История жирондистов» (1847), в котором критиковал якобинцев. Мишле Жюль (1798–1874) — французский историк романтического направления, автор «Истории Франции» (до 1789 г.) и многотомной «Истории Французской революции», изданной в 1847–1853 гг.

не делают серьезной попытки изучить его характер, или, вернее, упорное, поразительное отсутствие характера. Подлинные очертания его облика появляются впервые в монументальной биографии Луи Мадлена³ (которой этот труд, равно как и другие исследования, посвященные этому вопросу, обязаны большей частью фактического материала); история же совершенно спокойно отодвигала в задние ряды незначительных статистов этого человека, руководившего в эпохи смены двух миров всеми партиями и оказавшегося единственным среди политиков уцелевшим в бурях тех лет, человека, победившего в психологическом поединке таких людей, как Наполеон и Робеспьер. Иногда его образ мелькает в пьесе или оперетке, посвященных Наполеону, но в большинстве случаев он фигурирует там в за-taskанной схематической маске прожженного министра полиции, этакого предтечи Шерлока Холмса: в плоском изображении роль закулисного деятеля всегда превращается во второстепенную роль.

Только один человек с высоты собственного величия увидел и все своеобразное величие этой единственной в своем роде фигуры: то был Бальзак. Этот большой и проницательный ум, видевший не только внешний покров событий эпохи, но и всегда заглядывавший за кулисы, прямо признал Фуше самым интересным в психологическом отношении характером своего века. Бальзак, привыкший рассматривать в своей химии чувств все страсти, как бы они ни назывались — героическими или низменными, — как совершенно равноценные элементы, в одинаковой мере интересовавшийся и совершенным преступником вроде Вотрена и гением нравственности вроде Луи

Блан Луи (1811–1882) — французский политический деятель, социалист-утопист, историк, один из авторов многотомной «Истории Французской революции», изданной в середине XIX в.

³ Мадлен Луи — французский историк, автор двухтомной биографии Фуше и 16-томной «Истории Консульства и Империи».

Ламбера, не делал различия между нравственным и безнравственным, но, оценивая человека только по силе воли и напряженности его страсти, извлек именно этого, самого презренного, самого презираемого деятеля революции и империи, из тени, в которой тот нарочито скрывался. Он называет этого гения, единственного в своем роде единственным настоящим министром Наполеона и «самым умным человеком, которого я знаю», а в другом месте — «одной из тех личностей, у которых под поверхностью скрыта такая глубина, что они остаются непроницаемыми, пока действуют сами, и могут быть поняты только впоследствии». Это совсем не похоже на моралистические презрительные отзывы историков. И в своем романе «Une tenebreuse affaire»⁴ он посвящает этому «сумрачному, глубокому и необычному уму, который так мало известен», особую страницу. «Своеобразная гениальность, — пишет он, — столь ужаснувшая Наполеона, обнаружилась у Фуше не сразу. Этот незаметный член Конвента⁵, один из самых выдающихся и непонятных людей своего времени, сложился и вырос в бурях революции. При Директории⁶ он достиг тех вершин, с которых люди глубокого ума получают возможность предвидеть будущее, основываясь на опыте прошлого; затем вдруг — подобно посредственным актерам, которые под влиянием какой-то внезапно вспыхнувшей искры становятся гениальными, — проявил поразительную изворотливость во время молниеносного переворота 18 брюмера. Этот бледнолицый человек, воспитан-

⁴ «Темное дело» (фр.).

⁵ Конвент — высший законодательный орган Первой Французской республики. Действовал с 21 сентября 1792 г. по 26 октября 1795 г. До мая 1793 г. им руководили жирондисты, с июня 1793 г. — якобинцы. После переворота в июле 1794 г. Конвент стал термидорианским и подготовил переход к режиму Директории.

⁶ Директория — правительство Французской республики (из пяти директоров) с ноября 1795 до ноября 1799 г., выражало интересы крупной буржуазии. Прекратило существование после наполеоновского переворота 18 брюмера.

ный в духе монашеской сдержанности, посвященный в тайны монтаньяров, к которым он принадлежал, и в тайны роялистов, к которым в конце концов примкнул, долго и незаметно изучал людей, их нравы и борьбу интересов на политической арене; он проник в замыслы Бонапарта, давал ему полезные советы и ценные сведения. В то время ни прежние, ни новые его коллеги и не подозревали всей широты его таланта чисто административного и в глубоком смысле слова государственного, так был велик его дар почти неправдоподобной проницательности и безошибочного предвидения». Так говорит Бальзак. Его похвалы впервые привлекли мое внимание к Фуше, и в течение многих лет меня время от времени занимал образ человека, которым восхищался Бальзак, говоря, что «он имел большую власть над людьми, чем сам Наполеон». Но Фуше как в жизни, так и в истории, умел оставаться на заднем плане: он неохотно позволяет заглянуть себе в глаза и в карты. Почти всегда он в центре событий, в центре партий; он действует незримо, скрытый под анонимным покровом своей должности, как механизм в часах; лишь изредка, в смятении событий, на самых крутых поворотах его пути, удастся уловить мимолетный абрис его лица. И вот что еще более странно. На первый взгляд ни один из этих схваченных на лету обликов Фуше не похож на другой. С некоторым трудом представляешь себе, что тот же самый человек, с той же кожей и с теми же волосами, был в 1790 году учителем монастырской школы, а в 1792 году уже реквизирует церковное имущество; в 1793 году был коммунистом, а пять лет спустя стал миллионером и через десять лет герцогом Отрантским. Но чем смелее становился он в своих превращениях, тем интереснее был для меня характер, или, вернее, бесхарактерность, этого самого совершенного макиавеллиста нового времени, тем больше увлекала меня вся его скрытая на заднем плане и окутанная тайной политическая жизнь, все более своеобразным, даже демоническим являлся

мне его образ. Так совершенно неожиданно для себя, побуждаемый радостью чисто психологических исследований, взялся я писать историю Жозефа Фуше, надеясь этим сделать вклад в еще не существующую и в то же время совершенно необходимую биологию дипломатов, этой еще почти не исследованной опаснейшей духовной расы современности.

Подобное жизнеописание насквозь безнравственной личности, даже столь своеобразной и значительной, как Жозеф Фуше, — я и сам сознаю это — противоречит потребностям нашей эпохи. Ей нужны и приятны героические биографии, потому что в ней маловато политически творческих образов вождей, что побуждает искать высокие примеры в прошлом. И я вовсе не умаляю вдохновляющего, укрепляющего, возвышающего влияния героических биографий. Со времен Плутарха они необходимы для подрастающего поколения, для юношества всех эпох. Но именно в политическом отношении они таят опасность искажения истории, создавая впечатление, что в те давние, да во все времена подлинно возвышенные натуры якобы определяют судьбы мира. Несомненно, герой уже самым фактом своего существования способен на десятки и сотни лет завладеть духовной жизнью людей, но только духовной жизнью. В реальной, в подлинной жизни, в области действия политических сил решающее значение имеют — и это необходимо подчеркнуть, чтобы предостеречь от любых видов политической доверчивости, — не выдающиеся умы, не носители чистых идей, а гораздо более низменная, но и более ловкая порода — закулисные деятели. В 1914 и 1918 годах мы были свидетелями того, как решение вопросов всемирного значения, вопросов войны и мира, определялось не разумом и сознанием ответственности, а людьми, скрывающимися за кулисами, людьми сомнительной нравственности и небольшого ума. И ежедневно мы снова убеждаемся, что в нечистой и часто кощунственной политической игре, которой народы